

Упоров И.В. Советская концепция уголовно-исполнительной политики в первые годы советской власти // Академия педагогических идей «Новация». – 2019. – №1 (январь). – АРТ 54-эл. – 0,3 п. л. – URL: <http://akademnova.ru/page/875548>

РУБРИКА: ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 93

Упоров Иван Владимирович,

д.и.н., к.ю.н., профессор

Краснодарский университет МВД России

г. Краснодар, Российская Федерация

uporov@list.ru

**СОВЕТСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ УГОЛОВНО-
ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ
СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ**

Аннотация. В статье исследуются основные факторы, определившие формирование и содержание уголовно-исполнительной политики советского государства непосредственно после событий октября 1917 г. Отмечается, что концепция имела крайне противоречивый характер, поскольку, с одной стороны, предусматривала жесткие репрессивные меры к «классовым врагам», а с другой стороны – гуманные условия отбывания наказания к иным категориям осужденным. В литературе оценки данного периода также в большинстве своем диаметрально противоположны. Обосновывается позиция о необходимости взвешенного анализа фактов и событий. В данной статье автор использовал ряд своих суждений, которые были опубликованы ранее.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная политика, концепция, классовый признак, репрессии, уголовное наказание, политическая задача, воспитательная задача.

Uporov Ivan Vladimirovich,
Doctor of Historical Sciences, Candidate of Laws, Professor
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Krasnodar, Russian Federation
uporov@list.ru

THE SOVIET CONCEPT PENAL POLICY IN THE EARLY SOVIET YEARS

Annotation: The article examines the main factors that determined the formation and maintenance of the penal policy of the Soviet state directly after the events of October 1917 noted that the concept was extremely controversial because, on the one hand, provided tough repressive measures to the "class enemies", and with on the other hand - humane conditions of serving the sentence for other categories of prisoners. The literature also assessment of that period are mostly diametrically opposed. The author base their position on the basis of the need for a balanced analysis of the facts and events. In this article, the author used a number of his judgments that were published earlier.

Keywords: penal policy concept, the class attribute, repression, criminal punishment, the political task, the educational task.

Общественно-политическое положение в нашей стране в результате Октябрьской революции 1917 г. характеризовалось крайней противоречивостью, что объяснялось прежде всего чрезвычайно ожесточенной борьбой за власть. Так, в одном из циркулярных писем ЦК РКП (б) партийным организациям говорилось: «Они (рабочие и крестьяне – авт.) поставили своей задачей полное подавление угнетавшего их до сих пор класса капиталистов и помещиков и создание нового общества, построенного на началах коммунизма, общества, свободного от какой-либо эксплуатации, гнета» [1, с. 174]. Столь жесткие меры советская власть объясняла прежде всего непримиримым сопротивлением «класса эксплуататоров». В этой связи В.И. Ленин, в частности, писал, что «весь класс капиталистов окажет самое упорное сопротивление, но организацией всего населения в Советы это сопротивление будет сломлено, причем особенно упорных и неповинующихся капиталистов придется, разумеется, наказывать» [2, с. 86]. Эта позиция, собственно, и стала исходной при формировании концепции уголовно-исполнительной политики новоявленного советского государства.

Реализуя такой подход, советская власть объявила «красный террор» (как ответ на «белый террор»), который направлялся против лиц «контрреволюции, спекуляции и преступлений по должности». В соответствующем Постановлении СНК от 5 сентября 1918 г. [3, с. 291] указывалось, что «необходимо оградить Советскую Республику от классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях... подлежат расстрелу все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам... необходимо опубликовать имена всех расстрелянных, а также основания применения к ним этой меры» [3, с. 291]. Данное Постановление вполне соответствовало позиции В.И. Ленина,

который писал, что «не было ни одной революции и эпохи гражданской войны, в которых не было бы расстрелов» [4, с. 503]. Аналогичные мысли высказывали и другие крупные партийные и советские деятели. Так, Н.И. Бухарин писал о необходимости выработать путем расстрелов и трудовой повинности «коммунистическое человечество из человеческого материала капиталистической эпохи» [5, с. 198]. По мнению Г. Зиновьева, следовало «уничтожить 10 млн из 100 млн» [6, с. 61]. Лацис писал о том, что «мы уже не боремся против отдельных личностей, мы уничтожаем буржуазию как класс ... Не ищите в деле обвинительных улик о том, восстал ли он против Советов оружием или словом. Первым делом вы должны его спросить, к какому классу они принадлежит, какое у него образование и какова его профессия. Все эти вопросы должны разрешить судьбу обвиняемого. В этом смысл и суть Красного Террора» [7, с. 2].

Большевики были вполне последовательны. Так, бывшие офицеры, отказывающиеся служить в Красной Армии, помещались в концентрационные лагеря [8, с. 6-7]. Применялся также институт заложничества [9, с. 109]. В воспоминаниях А.И. Деникина описывается случай, когда большевики после захвата власти в Крыму содержали лишенных свободы в трюмах кораблей при невыносимых бытовых условиях [10, с. 139]. О фактическом проведении «красного террора» имеется достаточно обширная документальная литература. Такое противостояние не могло не повлиять на содержание уголовно-исполнительной политики советского государства. Классовый признак сразу же стал одним из определяющих при ее формировании. Как отмечает В.В.Мальцев, в этой сфере имело место «перенасыщение классовым содержанием» [11, с. 25]. Волна «классовости» прокатывалась по необъятным просторам России от центра до окраин и обратно. Об этом

может свидетельствовать, в частности, принятое в 1921 г. решение объединенного заседания президиумов парткома и окрисполкома Черноморского округа «немедленно ввести классовый принцип содержания заключенных» в домах заключения [12]. Прокуратуре было поручено «наблюдать за исполнением данного распоряжения» [12].

Вместе с тем следует заметить, что по многим характеристикам, за пределами классовых отношений, уголовно-исполнительная сфера советского государства совпадала с имперской [13]). М.Г. Детков в этой связи отмечает, что советская власть систему исполнения наказания переняла без серьезных изменений потому, что не располагала необходимыми «материальными и людскими ресурсами, научной базой» [14, с. 27]). Другое дело, что изменялись акценты, особенности, обоснование тех или иных мер, связанных с лишением свободы, назначением сроков наказаний и условиями их отбывания для различных категорий преступников. Здесь советское государство действительно привнесло ряд существенно иных принципов, исходящих, в первую очередь, из коммунистической идеологии и политической доктрины РКП (б), основанной, опять же, на упомянутом классовом подходе. Именно в этом смысле можно, на наш взгляд, говорить о революционных изменениях в уголовно-исполнительной сфере. При этом мы не можем согласиться как с восхвалением происшедших преобразований, длительное время присущему в советской исторической и политической литературе, так и с отрицанием каких-либо позитивных перемен; бесспорно, было и то, и другое. Так, Е.Г. Ширвиндт и Б.С. Утевский отмечали, что «лишение свободы как мера наказания была сохранена советским уголовным правом, однако коренным образом изменило свое классово-политическое содержание. В новых условиях оно из орудия подавления трудящихся было направлено против

классового сопротивления свергнутых Октябрьской революцией классов, против преступных происков буржуазии и деклассированных элементов» [15, с. 50-57]. Следует также иметь в виду следующее чрезвычайно важное обстоятельство. В период непосредственно революционных событий, а затем гражданской войны решающей была политическая составляющая института уголовного наказания. Это проявлялось в том, что меры уголовной репрессии использовались советской властью прежде всего для подавления «классовых врагов», а уже затем для решения задач, которые обычно ставятся перед этим институтом (противодействие преступности, ограждение общества от представляющих опасность лиц, исправление осужденных и др.). В этом смысле нельзя не согласиться с М.Г. Детковым, который пишет, что в условиях обострения политической борьбы характер уголовного наказания меняется не только в отношении политических противников власти, но и в отношении «всей массы уголовных преступников» [16, с. 26].

В целом можно говорить о двух концептуальных направлениях в развитии уголовно-исполнительной политики [17, с. 8]. Первой составляющей была политическая задача. Содержание ее задачи заключалось в «подавлении контрреволюции». Эта идея была закреплена в первом советском Основном законе - Конституции РСФСР 1918 г. [18]. В этом документе, в частности (ст. 8), указывалось, что «основная задача рассчитанной на настоящий переходный период Конституции Социалистической Федеративной Советской Республики заключается в установлении диктатуры городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства в виде мощной Всероссийской Советской власти в целях полного подавления буржуазии, уничтожения эксплуатации человека человеком и водворения социализма, при котором не будет ни

деления на классы, ни государственной власти». В литературе отмечается, что указанные цели носили «явно неправовой характер» [19, с. 7]. В деятельности судебных органов также сквозила вполне определенная целесообразность. Так, в воззвании реввоен трибунала Восточного фронта (1920 г.) говорилось, что «исключительные обстоятельства требуют исключительных мер, и революционный военный трибунал заявляет, что он примет все меры к беспощадному уничтожению преступных элементов, проникших в ряды Красной Армии» [20, с. 47]. Л.В.Головкин в связи с изложенным констатирует, что «советское уголовное право всегда отличалось крайней жестокостью, считая (особенно в начальный период) уголовную репрессию важным средством подавления контрреволюции во всех ее проявлениях» [21, с. 62]. Однако мы не можем согласиться с тем, что советское уголовное право *всегда* отличалось крайней жестокостью, здесь автор делает необоснованное обобщение. По утверждению Л.В.Хохловой, «советское уголовное законодательство было максимально политизировано и идеологизировано» [22, с. 47]. По мнению А.С. Смыкалина, «по своим зверствам репрессивные органы большевиков далеко превзошли царскую охранку» [23, с. 81]. Наиболее резкую оценку дает С.С. Босхолов: «В основу уголовно-правовой доктрины была заложена человеконенавистная, сатанинская идея тотального насилия» [24, с. 49]. Можно привести еще одну цитату: «Этот своеобразный институт (имеется в виду ВЧК – авт.), отчасти напоминающий средневековую инквизицию, составляет политическую опору советской власти. Полное отсутствие каких бы то ни было правовых понятий, какой бы то ни было тени законности, безнаказанности палачей, беззащитность жертв, жестокость, порождающая садизм, - вот главные особенности Чрезвычайной Комиссии» [25, с. 109]. Имеются по этому поводу и достаточно неожиданные точки зрения, в

частности, утверждается, что «террор ленинской гвардии» находится в ряду геополитических акций, направленных на уничтожение самобытности Великой России [26, с. 131-132].

Нам представляется, что в указанных оценках все же превалируют политические оценки, отсюда и излишняя эмоциональность авторов, несмотря на то, что речь идет о научных работах, а не о публицистике и тем более не о пропагандистских материалах. Поэтому, соглашаясь с отмеченными оценками частично, мы предпочитаем более взвешенный подход, опирающийся прежде всего на анализе конкретных документов, и прежде всего уголовно-исполнительного характера, а это предполагает рассмотрение не только негативных, но и положительных сторон института наказания в виде лишения свободы советском государстве, как бы ни парадоксально это звучало на фоне приведенных суждений (например, в целом позитивно следует оценивать организацию труда и обучения содержащихся в местах лишения свободы преступников).

Вторая составляющая связывается с воспитательной функцией наказания В этой связи М.Д.Шаргородский отмечал, что «когда Советское государство применяет наказание, то в нем принуждение неразрывно связано с воспитанием» [27, с. 14]. Здесь мы можем говорить о том, что советское государство в сфере установления лишения свободы как вида уголовного наказания применяло принцип гуманизма; конечно, с учетом чрезвычайно жестких мер уголовной репрессий, применяемых советской властью к «классовым врагам», данный тезис выглядит крайне противоречиво, однако именно необычайно широкие рамки принуждения (репрессий), с одной стороны, и гуманизма, с другой стороны, составляли характерную особенность советской уголовно-исполнительной политики в процессе ее становления. Заметим еще, что гуманистическая составляющая

вошла в текст Программы РКП (б) 1919 г., где, в частности, говорилось: «В области наказания ... суды уже привели к коренному изменению характера наказания, осуществляя в широких размерах условное осуждение, вводя как меру наказания общественное порицание, заменяя лишение свободы обязательным трудом с сохранением свободы, заменяя тюрьмы воспитательными учреждениями...» [28, с. 190-191]. Собственно, это были идеи, высказанные Лениным в одной из его более ранних работ [29, с. 408].

Содержание этой политики находило отражение в различных актах советского государства, и прежде всего, по хронологии, во Временной инструкции “О лишении свободы, как мере наказания, и о порядке отбывания такового” 1918 г., в Руководящих началах по уголовному праву 1919 г., УК РСФСР 1922 и 1926 г., ИТК РСФСР 1924 и 1933 гг. и др. Принцип гуманизма особенно ярко был виден в декрете СНК от 21 марта 1921 года "О лишении свободы и о порядке условно-досрочного освобождения заключенных" [30, с. 90-91], где высший предел наказания в виде лишения свободы в отношении лиц, "признанных для советского строя опасными" был определен в 5 лет (это был наименьший законодательно установленный верхний предел наказания в виде лишения свободы за всю историю отечественного законодательства). Вместе с тем следует, однако, иметь в виду, что при этом, во-первых, совершенно не уточнялись вид и характер "опасных" деяний, и, во-вторых, не далее, чем через год максимальный срок лишения свободы был увеличен до 10 лет, а еще позже, в 1937 г, - до 25 лет (данное обстоятельство лишний раз подчеркивает противоречивость развития уголовно-исполнительной политики).

Принцип гуманизма отражен также в первом систематизированном уголовно-правовом документе - Руководящих началах по уголовному праву РСФСР, принятых Народным комиссариатом юстиции в 1919 г. Здесь, в частности, в ст. 10 указывалось, что наказание не есть «возмездие за вину». А согласно ст. 16 «с исчезновением условий, в которых определенное деяние или лицо, его совершившее, представлялись опасными для данного строя, совершивший его не подвергается наказанию» (ст. 16). Представляет также интерес положение, определяющее лестницу видов наказания, построенную с целью «наибольшего сокращения личных страданий преступника» и учета «особенностей каждого отдельного случая и личности преступника».

Указанные положения Руководящих начал свидетельствуют о вольном или невольном влиянии на их разработчиков социологического учения о наказании (предполагающего, как известно, отказ от главенствующей цели наказания как возмездия и делающего акцент на целесообразности наказания). Об определенном гуманизме уголовной политики Советского государства свидетельствуют ряд решений об амнистии. Так, в постановлении ВЦИК «Об амнистии ко второй годовщине Октябрьской революции» [31] указывалось, что «беспощадно разоблачая и карая эксплуататоров, пролетариат Советской России добился ныне упрочения и закрепления своей власти ... ВЦИК ко дню второй годовщины Октябрьской революции считает возможным и необходимым облегчить участь всех тех, чьи преступления перед рабочим классом не вызывают ныне крайней необходимости лишения их свободы».

Игнорировать такого рода документы и мысли, на наш взгляд, нельзя, и они никаким образом не могут свидетельствовать о «человеконенавистной, сатанинской идее тотального насилия». Другое

дело, что политическая составляющая уголовно-исполнительной политики (физическое «уничтожение буржуазии») сразу после Октябрьской революции явно доминировала (как и в любой других сферах), и контекст здесь вполне понятен: большевиками, как известно, владела более масштабная цель – победа мировой социалистической революции, жертвами стремления к которой стали тысячи наших сограждан, и уголовно-исполнительная система здесь не являлась исключением.

В дальнейшем концепция уголовно-исполнительной политики определенным образом трансформировалась. Характерно в этом отношении высказывание М.И.Калинина на Втором Всероссийском съезде административных работников, состоявшемся в апреле 1928 г.: "начальники домов заключения из административных чиновников, которые наказывают за совершенные преступления, будут делаться педагогами, их роль будет *педагогически-воспитательная*" (выделено нами - авт.) [32, с. 126]. В одной из работ он писал также, что "в нашем обществе со временем *отомрет карательный институт* (выделено нами. - авт.), а сам факт осуждения станет восприниматься как самая величайшая кара" [33, с. 469]. В партийно-программных документах и отмеченных выше законодательных актах того времени этот подход находил отражение. Однако сохранялась и другая крайность - "подавление", "беспоощадность", "истребление" в отношении классовых врагов в период массовых репрессий, что дало печальную известность ГУЛАГу. И только после смерти Сталина политическая составляющая в функционировании уголовно-исполнительной системы стал отходить на задний план, уступая место присущим ей традиционным задачам.

Список использованной литературы:

1. Партия в период иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918–1920 годы). М., 1962.
2. Ленин В.И. ПСС. Т. 26.
3. Декреты Советской власти. М., 1964. Т. 3. С. 291.
4. Ленин В.И. ПСС. Т. 36.
5. Бухарин Н.И. Избр. произв. М., 1990.
6. Авторханов А. Ленин в судьбах России // Новый мир. 1991. № 2. С. 53-67.
7. Красный террор. Еженедельник Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией на Чехо-Словацком фронте. 1918. № 1. С.2.
8. Красная книга ВЧК. М., 1989. Т. 1.
9. Рассказов Л.П. Карательные органы в процессе формирования и функционирования административно-командной системы в советском государстве (1917-1941 гг.). Уфа, 1994.
10. Деникин А.И. Очерки русской смуты // Вопросы истории. 1992. № 2-3.
11. Мальцев В.В. Категория «Общественно опасное поведение» в уголовном праве. Волгоград, 1995.
12. ЦДНИКК. Ф.9. Оп.1. Д.452. Л.25.
13. ГАРФ. Ф. 7420. Оп.2. Д. 585. Л.21.
14. Детков М.Г. Содержание пенитенциарной политики Российского государства и ее реализация в системе исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы в период 1917-1930 годов. - М.: Академия МВД России, 1992.
15. Ширвиндт Е.Г., Утевский Б.С. Советское исправительно-трудовое право. М., 1957.
16. Детков М.Г. Содержание пенитенциарной политики Российского государства и ее реализация в системе исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы в период 1917-1930 годов. М.: Академия МВД России, 1992.
17. Шаргородский М.Д. Наказание по советскому уголовному праву. М., 1958.
18. Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским съездом Советов 10.07.1918 // СУ РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582.
19. Ескина Л.Б. Два юбилея российской Конституции // Правоведение. 1999. № 1. С.5-11.
20. Муранов А. Военные суды: история создания и современные задачи // Законность. 1999. № 1. С.45-49.
21. Головкин Л.В. Принципы неотвратимости ответственности и публичности в современном российском уголовном праве и процессе // Государство и право. 1999. № 3. С. 60-67.
22. История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917-1980-е гг.) / Заметки с научной конференции // Отечественная история. 1998. № 4. С. 211-213.
23. Смыкалин А.С. Колонии и тюрьмы в Советской России. Екатеринбург, 1997.
24. Босхолов С.С. Конституционно-правовой кризис и уголовная политика // Правоведение. 1999. № 6. С.44-49.
25. Бакунин А.В. Генезис советского тоталитаризма. Екатеринбург, 1996. Книга первая.

Всероссийское СМИ

«Академия педагогических идей «НОВАЦИЯ»

Свидетельство о регистрации ЭЛ №ФС 77-62011 от 05.06.2015 г.

(выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций)

Сайт: akademnova.ru

e-mail: akademnova@mail.ru

26. Нарочницкая Н.А. Историческая Россия и СССР в мировой политике XX в. // Новая и новейшая история. 1998. № 1. С. 131-137.

27. Шаргородский М.Д. Наказание по советскому уголовному праву. М., 1958.

28. Программа Российской коммунистической партии (большевиков) // Партия в период иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918-1920 гг.). М., 1962. С.190-191.

29. Ленин В.И. ПСС. Т. 38.

30. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1917-1952 гг.) / Под ред. И.Т.Голякова. М., 1953. С.90-91.

31. СУ РСФСР. 1919. № 55, 56.

32. Калинин М.И. Избр. произв. Т.1 М., 1960.

33. Калинин М.И. Избр. произв. Т.3. М., 1961.

Дата поступления в редакцию: 20.01.2019 г.

Опубликовано: 26.01.2019 г.

© Академия педагогических идей «Новация», электронный журнал, 2019

© Упоров И.В., 2019